

**«ЗНАЧЕНИЕ КАК УПОТРЕБЛЕНИЕ»,
НОРМАТИВНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ
И ИЛЛОКУТИВНАЯ СИЛА**

В. В. Оглезнев

Университет Бремена, Германия
Санкт-Петербургский государственный университет, Россия
ogleznev82@mail.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке
Фонда имени Александра фон Гумбольдта

Представлены возражения против позиции В. А. Ладова, изложенной в его статье в этом номере журнала. Рассмотрен один из критических аргументов Д. Катца, выдвинутый против концепции «значение как употребление» Л. Витгенштейна. Речь идет об аргументе, что фиксация более глубоких смыслов грамматических форм, которые не релятивизируются в языковых играх, позволяет показать, что смыслы грамматических форм не рождаются в конкретной языковой игре. Показано, что если критерием понимания смысла в рамках коммуникации может служить только определенное действие, то решающее значение имеет не столько пропозициональное содержание этого действия, сколько его иллокутивная сила. Без иллокутивной силы смысл языковой формы понять достаточно сложно, если вообще возможно. Обращение к нормативным предложениям, выраженным особыми прескриптивными речевыми актами, позволило показать, что различия между приказами, просьбами, предсказаниями проявляются только на прагматическом уровне использования языка, на семантическом уровне такого различия нет. Вне контекста конкретной языковой игры такого различия не провести.

Ключевые слова: значение, речевые акты, нормативные предложения, иллокутивная сила.

**“MEANING AS USE”, NORMATIVE SENTENCES,
AND ILLOCUTIONARY FORCE**

Vitaly V. Ogleznev

University of Bremen, Bremen, Germany
Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia
ogleznev82@mail.ru

This short remark, which is a minor objection to Vsevolod A. Ladov's panel article "Gottlob Frege's Semantics in Modern Analytic Philosophy", examines

one of the critical arguments put forward by Jerrold Katz against Ludwig Wittgenstein's "meaning as use". I am talking about the argument that fixing deeper meanings of grammatical forms that are not relativized in language games allows us to show that the meanings of grammatical forms are not caused in a specific language game. I show that, if only a certain action can be treated as a criterion for understanding meaning in the framework of communication, then the crucial importance is not so much the propositional content of this action as its illocutionary force. Without the illocutionary force, the meaning of linguistic form is quite difficult to understand, if at all possible. The reference to normative sentences expressed by special prescriptive speech acts made it possible to show that the differences between orders, requests, predictions manifest themselves only at the pragmatic level of language use, there is no such difference at the semantic level. Beyond the context of a particular language game, such a distinction cannot be made.

Keywords: meaning, speech act, normative sentence, illocutionary force.

DOI 10.23951/2312-7899-2022-3-127-134

В статье «Семантика Г. Фреге в современной аналитической философии» В. А. Ладов предпринимает попытку не столько реабилитировать объективистскую семантику Г. Фреге, сколько за счет обращения к контраргументам лингвистического платонизма Дж. Катца в отношении концепции «значения как употребления» Л. Витгенштейна «вернуть метафизическую компоненту в теорию значения». Интерес к неофрегеанству Катца автор объясняет тем, что, хотя Катц не отрицает концепцию «значения как употребления», он «стремится совместить метафизические взгляды Фреге на уровне фиксации идеальных значений языковых выражений с прагматической деформацией этих значений на уровне реальных языковых практик, разнообразие которых и показал поздний Витгенштейн»¹. Однако в успешности отдельных критических аргументов Катца против Витгенштейна некоторые сомнения тем не менее возникают. Я рассмотрю лишь один из них (четвертый аргумент в нумерации В. А. Ладова): что фиксация более глубоких смыслов грамматических форм, которые не релятивизируются в языковых играх, позволяет показать, что смыслы грамматических форм не рождаются в конкретной языковой игре.

¹ На с. 105 в статье В. А. Ладова «Семантика Г. Фреге в современной аналитической философии», публикуемой в этом номере журнала.

Для Витгенштейна значение языковых форм было самым тесным образом связано с их употреблением. И именно эта идея выступала неким ключом к тому, как он понимал природу языка, – значение слова есть его употребление. Но что есть значение слова? На этот вопрос удачно ответил П. М. С. Хакер: «Значение слова – это то, что представлено объяснением его значения» [Хакер 2022, 22]. Объяснение слова определяет правило его употребления: «Значение слова (или фразы) – это то, что известно (или понятно), когда человек знает (или понимает), что это слово (или фраза) означает. Знать, что слово означает, – значит уметь его употреблять в соответствии с принятыми объяснениями того, что оно означает, т. е. в соответствии с правилами его употребления. А также уметь объяснить или признать правильным объяснение того, что оно означает» [Хакер 2022, 24–25].

Что значит понимать смысл какого-то выражения? Это значит понимать, как в соответствии с этим выражением действовать. Критерием понимания в таком случае становится действие в рамках некой социальной практики. По-иному оценить, понял человек что-то или нет, никак нельзя. Если мы судим о понимании слова на основании действия в рамках социальной практики, то мы не можем это сделать вне рамок его употребления. Слово приобретает значение в контексте его употребления. И если критерием понимания смысла в рамках коммуникации может служить только определенное действие, то решающее значение имеет не столько пропозициональное содержание этого действия, сколько его иллокутивная сила. Без иллокутивной силы смысл языковой формы понять достаточно сложно, если вообще возможно.

То, что иллокутивная сила выражается только в употреблении, убедительно показали К. Э. Альчуррон и Е. В. Булыгин на примере нормативных предложений (предложений, выражающих нормы) в контексте развиваемой ими логики норм. Они исходили из того, что изменяться может только иллокутивная сила (прагматический компонент), в то время как пропозициональное содержание (семантический компонент) речевого акта всегда неизменно: «Только на прагматическом уровне использования языка проявляются различия между утверждениями, вопросами, приказами, на семантическом уровне такого различия нет» [Альчуррон, Булыгин 2013, 236]. Иными словами, различие между утверждением, вопросом, приказом или предположением заключается не в значениях произносимых предложений (их пропозиционального содержания), но в различном употреблении одного и того же предложения (его

иллокутивной силы). А значит, у нормативных предложений нет никакого «абстрактного смысла», который позволил бы, как говорит Катц, проследить различие между приказом и предсказанием. Напротив, «нормы есть прагматические сущности, поскольку они есть результат прескриптивного речевого акта» [Guastini 2018, 1], для анализа которых прагматический аспект имеет более важное значение, нежели семантический.

Рассмотрим, что эта идея собой представляет. Альчуррон и Булыгин развивали так называемую экспрессивную концепцию норм, утверждающую, что нормативные предложения можно (или следует) анализировать в терминах (а) дескриптивного компонента, который является описанием действия или положения дел, обусловленного действием, и (b) нормативного оператора, или нормативного (прескриптивного) компонента [Булыгин 2016, 359]. Нетрудно заметить, что экспрессивная концепция основывается на теории речевых актов в том смысле, что норма представляется как определенного рода речевое действие. Нормативный компонент выражается не в терминах значений лингвистических выражений, но в терминах иллокутивной силы (где «прескриптивность есть иллокутивная характеристика пропозиций» [Вайнбергер 2016, 329]), т. е. в терминах того, что *делают* посредством некоторого выражения. Отсюда вывод – нормы есть результат прескриптивного использования языка, особое речевое действие. Нормативный (прескриптивный) компонент, таким образом, является не оператором, а неким индикатором определенной силы выражения, т. е. индикатором того действия, которое выполняет агент, использующий данное выражение [Alchourrón, Bulygin 1984, 454; Булыгин 2016, 361]. Например, $!p^2$ выражает не пропозицию, что p должно иметь место (быть выполнено), но указывает на то, что p приказано.

Как мы видим, экспрессивная концепция норм Альчуррона и Булыгина имеет много общего с теорией речевых актов, и прежде всего в версии Дж. Сёрла, по крайней мере в вопросах лингвистической структуры речевого акта (пропозициональное содержание и иллокутивная сила), анализ которой демонстрирует не только контекстуальный характер иллокутивной силы языкового выражения, но и важность прагматического аспекта перед семантическим.

² Здесь '!' является индикатором иллокутивной силы. Выбор К. Э. Альчуррона и Е. В. Булыгина в пользу этого знака связан, по-видимому, с тем, что нормы в экспрессивной концепции по своей сути являются приказами. Но '!' использовался также и Дж. Сёрлом в символической записи директив как особой разновидности иллокутивных актов – '! ↑ W (Н делает А)', которая является развернутой версией сёрловской нотации '! (p)' [Сёрл 1986, 182; Searle 1969, 31].

Основная идея Сёрла состояла в том, что «желаемое воздействие значения чего-либо заключается не в том, чтобы вызвать речевой отклик у слушающего или сделать так, чтобы он повел себя определенным образом, а в том, чтобы ему стали известны *иллокутивная сила и пропозициональное содержание высказывания*» [Сёрл 2010а, 16] (курсив мой. – В. О.). В этом заключается коммуникативная цель произнесения, манифестируя которую, говорящий сообщает высказыванию определенную иллокутивную силу.

Возьмем, например, высказывание, выраженное предложением «Пётр кладет книгу на стол»³. Оно может быть использовано при совершении различных речевых актов:

- 1) «Пётр положит книгу на стол?» (вопрос);
- 2) «Пётр положит книгу на стол» (утверждение о будущем, или предсказание);
- 3) «Пётр, положи книгу на стол!» (просьба или приказ);
- 4) «Положил бы Пётр книгу на стол» (выражение желания);
- 5) «Если Пётр положит книгу на стол, то я тоже положу» (гипотетическое выражение намерения).

При произнесении каждого из этих предложений (при совершении иллокутивного акта) говорящий осуществляет референцию к конкретному лицу – Петру – и преддицирует этому лицу некое действие – ‘положить книгу’. Акт референции, т. е. привлечение в зону рассмотрения определенных объектов, выражается собственными именами, местоимениями и другими видами именных конструкций, необходимых для референции, а акт предикации, т. е. приписывание неких свойств этим объектам, – определенными грамматическими предикатами. Но во всех этих случаях говорящий совершает еще один дополнительный (неиллокутивный) акт, общий для всех пяти иллокутивных актов. Референция к некоему Петру и предикация одного и того же действия этому лицу указывают на то, что все эти акты связывает некое общее содержание. Это общее содержание может быть выражено придаточным предложением «что Пётр кладет книгу на стол», которое, по Сёрлу, называется *пропозицией*, т. е. говорящий выражает пропозицию, что Пётр кладет книгу на стол. При этом следует учитывать два момента: во-первых, пропозиция выражается не соответствующим предложением, но произнесением говорящим этого предложения; во-вторых, пропозицию следует отличать от утверждения этой пропозиции («Пётр положит книгу на стол»), потому как «утверждение – это иллокутивный акт, а пропозиция – вообще не акт, хотя акт выражения

³ Пример К. Э. Альчуррона и Е. В. Булыгина.

пропозиции есть часть совершения определенных иллокутивных актов» [Сёрл 2010b, 61]. Иными словами, можно сказать, что предложение имеет две части – элемент, служащий показателем пропозиции, и средство, служащее показателем иллокутивной функции. Показатель функции позволяет судить о том, какую иллокутивную силу должно иметь высказывание, т. е. какой иллокутивный акт совершает говорящий, произнося данное предложение (к показателям функции относятся порядок слов, ударение, интонация, пунктуация и т. п.; часто иллокутивную функцию проясняет контекст, и тогда необходимость в показателе функции отпадает).

В структуре иллокутивного акта, таким образом, следует различать: 1) объектную референцию; 2) акт предикации (референция и предикация составляют пропозициональное содержание и образуют единый пропозициональный акт, который речевым актом не является); 3) иллокутивную силу, с которой осуществляется предикация референции. Эти три элемента Дж. Сёрл выражает формулой $F(RP)$, где F – индикатор иллокутивной силы, R – референциальное выражение, а P – предикативное выражение [Searle 1969, 33]⁴. Индикатор иллокутивной силы F указывает на способ или грамматическое наклонение, которым P приписывается R . Если вместо R подставить «Пётр», а вместо P «положить книгу на стол», то все их вхождения в разные иллокутивные акты (вопросы, утверждения, просьбы, приказы и т. д.) будут одинаковыми. Все три элемента взаимосвязаны и взаимообусловлены. Термин F влияет на предикативный термин, чтобы показать, каким образом он отсылает к объекту референции. Например, в случае императивного предложения индикатор императивной иллокутивной силы F устанавливает, что объект, который обозначается термином R , должен совершить действие, указанное в термине P [Searle 1969, 122]. Этим Сёрл хочет сказать, что предикация, в отличие от референции, находится в некоторой зависимости от иллокутивной силы⁵, т. е. предикация осуществляется в определенном грамматическом наклонении, а потому речевым актом вообще не является.

⁴ Здесь следует обратить внимание на схожесть в терминологии: утверждение, что нормативный (прескриптивный) компонент является неким индикатором определенной силы выражения, очень напоминает сёрловскую трактовку индикатора иллокутивной силы.

⁵ Показатель иллокутивной силы в предложении, действуя над пропозициональным содержанием, выполняет важную задачу – указывает на *направление приспособления* между этим пропозициональным содержанием и реальностью, т. е. иллокутивная сила определяет то, как пропозициональное содержание соотносится с миром (слова-реальность или реальность-слова) [Сёрл 1986, 172–173].

Таким образом, иллокутивные акты, по Сёрлу, могут обладать разной иллокутивной силой, но одинаковым пропозициональным содержанием. «Пётр поцеловал Марию» и «Мария была поцелована Петром» выражают одно и то же пропозициональное содержание независимо от того, с каким намеком говорящий их использует, с какой иллокутивной силой. То есть несмотря на то, что эти предложения могут произноситься с разной иллокутивной силой (и вообще быть разными предложениями, хотя и взаимопереводимыми), у совершаемого при этом речевого акта будет одно пропозициональное содержание [Green 2000, 444]. Но здесь важно, что именно иллокутивная сила, вернее, ее распознавание при произнесении предложения, позволяет понять, что тем самым говорящий желает сообщить и каким образом слушающему следует себя вести. Конечно, здесь не все так просто. У этой позиции есть некоторые ограничения, которые обнаруживаются, например, в логике императивов [Fillion, Lynn 2021], но в данном случае это несущественно.

Катц и симпатизирующий его аргументам В. А. Ладов говорят, что для прагматического уточнения смысла предложения-произнесения (приказ это или предсказание) сначала следует зафиксировать абстрактный смысл (или уяснить значение) соответствующего предложения-типа, т. е. зафиксировать его семантику. Но пример нормативных предложений, выраженных особыми прескриптивными речевыми актами, как раз и показывает, что различия между приказами, просьбами, предсказаниями проявляются только на прагматическом уровне использования языка, на семантическом уровне такого различия нет [Альчуррон, Булыгин 2013, 236]. Вне контекста конкретной языковой игры такого различия не провести. Возможно ли установить иллокутивную силу посредством фиксации «глубинных смыслов грамматических форм, которые не релятивизируются в языковых играх»? Нет! Как было показано выше, на семантическом уровне можно зафиксировать только пропозициональное содержание, которое никак не влияет на установление иллокутивной силы.

БИБЛИОГРАФИЯ

Альчуррон, Булыгин 2013 – Альчуррон К. Э., Булыгин Е. В. Экспрессивная концепция норм // «Нормативные системы» и другие работы по философии права и логике норм / под ред. Е. Н. Лисянюк. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2013. С. 234–261.

- Булыгин 2016 – *Булыгин Е. В.* Нормы и логика: Ганс Кельзен и Ота Вайнбергер // Булыгин Е. В. Избранные работы по теории и философии права / под ред. М. В. Антонова, Е. В. Лисанюк. СПб.: Алеф-Пресс, 2016. С. 358–378.
- Вайнбергер 2016 – *Вайнбергер О.* Экспрессивная концепция норм – тупик для логики норм // Булыгин Е. В. Избранные работы по теории и философии права / под ред. М. В. Антонова, Е. Н. Лисанюк. СПб.: Алеф-Пресс, 2016. С. 327–357.
- Сёрл 1986 – *Сёрл Дж.* Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике / под ред. Б. Ю. Городецкого. М.: Прогресс, 1986. Вып. XVII. С. 170–194.
- Сёрл 2010а – *Сёрл Дж.* Введение // Философия языка / под ред. Дж. Сёрла. М.: Едиториал УРСС, 2010. С. 6–22.
- Сёрл 2010b – *Сёрл Дж.* Что такое речевой акт? // Философия языка / под ред. Дж. Сёрла. М.: Едиториал УРСС, 2010. С. 56–74.
- Хакер 2022 – *Хакер П. М. С.* Витгенштейн о человеческой природе. М.: Канон+, 2022.
- Alchourrón, Bulygin 1984 – *Alchourrón C., Bulygin E.* Pragmatic Foundations for a Logic of Norms // *Rechtstheorie*. 1984. Vol. 15. P. 453–464.
- Fillion, Lynn 2021 – *Fillion N., Lynn M.* The Content and Logic of Imperatives // *Axiomathes*. 2021. Vol. 31. P. 419–436.
- Green 2000 – *Green M. S.* Illocutionary Force and Semantic Content // *Linguistics and Philosophy*. 2000. Vol. 23 (5). P. 435–473.
- Guastini 2018 – *Guastini R.* Two Conceptions of Norms // *Revus: Journal for Constitutional Theory and Philosophy of Law*. 2018. Vol. 35. P. 1–10.
- Searle 1969 – *Searle J.* *Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language*. Cambridge: Cambridge University Press, 1969.

Материал поступил в редакцию 09.03.2022